

ческих книгах, где число страниц в сумме приближается к тысяче, а количество авторов — к двумстам? Невозможно — если пытаться сказать обо всех и обо всем. Стоит попробовать — если иметь в виду Коллективную Книгу молодых поэтов как некое самостоятельное явление.

Лет восемь назад в предисловии к аналогичному сборнику Михаил Дудин сравнил его авторов с юной рощей, питаемой соками родной земли и тянущейся к вешнему солнцу. Уже тогда это сравнение казалось несколько анахроничным. А сегодня? Если уж говорить о юной литературной роще, то лишь о такой, где ветки с подветренной стороны пожухли от дымов соседнего химкомбината, в некогда чистом ручье ржавеют консервные банки, а трава на опушках измята «протекторами разных марок». Мир, доставшийся в наследство нашим «молодым», — это, по их оценке, «эпоха черных дыр и белых пятен» (С. Белорусец), это мир, где победитель «стать новой жертвой обречен» (В. Кирюшин), где «отставной вертухай отбывает заслуженный отдых» (Е. Бунимович), где колонну новобранцев ведет «угрюмый сверхсрочник, не знающий цели пути» (В. Строчков), где сосед выходит на крыльцо, «до морды сконцентрировав лицо» (И. Знаменская), где «на фоне социального заката библиофила ест библиофил» (И. Иртенев). Короче, мир, в котором «и стыдно жить, и гибнуть глупо» (Н. Маркграф). Лишь изредка порадует глаз «темный бархат распаханной свежей земли» (В. Шуляковский), лишь изредка выпадет надежда «свежего воздуха снова вдохнуть» (А. Знатнов), лишь изредка «коснется души умиление» — «сын в коляске едет стоя, как министр обороны» (Е. Бунимович). В этой выборке — строки серьезные и ироничные, оригинальные и вторичные, талантливые и не очень. В данном случае важна общая тенденция. В былые времена за подобное мировосприятие поэтам сильно досталось бы. Теперь мы, слава богу, вспомнили старую истину, что поэт не столько скрипач, сколько скрипка, на которой играет время.

Кто же они, «молодые», как ощущают себя в этом, прямо скажем, неудобном мире? Мы, говорят они, те, кто родился «в сталинском доме во время хрущевской эпохи» (А. Шаталов), «племя ниоткуда» (Н. Никишина), те, что «выросли без родины, как пьяная трава» (М. Шелехов). Те, кто говорит о себе: «Мы не судьи с тобой. Мы — вина» (Г. Красников). «Инфарктники в тридцать» (Л. Латышева), в которых «дико мечется стрелка души» (М. Белянчикова). «...сорок лет — я за все отвечаю, но, увы, ничего не могу», — признается В. Бережков, лишний раз напоминая об условности самого понятия «молодые». «А я мечтала исправить мир, но, слава богу, не знала, как», — пишет Е. Горбовская, ставя под сомнение такую известную добродетель, как «активная жизненная позиция». Но душа все-таки просит активности, и тогда рождается элегический вздох: «Эх! Мне бы маузер, хоть самый махонький, — общаться с мразями не только матерно!» (М. Мамаев). И — очень редко — строки о том, что «наша огненная вера заменит нам бронезилет» (А. Карпенко). Как ни странно, подобные мотивы в

основном встречаются у поэтов-«афганцев», участников непопулярной, а ныне и осужденной войны. Этот феномен еще ждет осмысления. Еще одна характерная черта: огромное, просто колоссальное количество литературных реминисценций. Обыгрывается, переосмысливается все: от знакомого с детства «Что вам надо? Шоколада?» (Е. Саран) до «Вставай, страна, вставай, огромная» (А. Лаврин), от «Цицерона не читал» (С. Белорусец) до «Рыбачка Соня как-то в мае...» (А. Еременко). Примеров сотни. Один поэт (В. Тучков) счел необходимым заново переписать хлебниковский «Зверинец», насытив его современными реалиями. Выходит, все же не так уж «ниоткуда» это новое племя, оно целиком «оттуда» — из предшествующей культуры, отталкивается от нее и от нее же зависит. Отталкивание — закономерный этап самоутверждения. Но за ним должна последовать выработка собственных ориентиров, собственных идеалов. Хватит ли сил, хватит ли мастерства? Пока что оно весьма неровно, подчас трудно отличить изыск от простой неумелости. А изысков — в отличие от прошлых лет — в этих двух книгах хватает: и обернутская парадоксальность, и многозначительные мини-верлибры, и не менее многозначительная стихопроза. Есть и «котангенсы простоты», и неологизм-деепричастие «офигея» (от «офигеть»), и стихи без запятых, и «векзамеры», придуманные Б. Канапьяновым, и даже такая вот строчка: «УХ УХ УХ УХ эх» (А. Левин). Читаешь, удивляешься многообразию — и вдруг обнаруживаешь, что оно, в сущности, довольно монотонно, и вдруг радуешься простым бытописательским строчкам: «Пилат старик со старухой дрова. Струйка опилок заметна едва» (В. Кирюшин). Потому что нет ничего более значительного, чем реалии человеческой жизни. «Все прочее — литература», — как говорил Верлен.

Илья Фоняков.

*

Ю. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М. «Молодая гвардия». 1989. 320 стр.

В 1938 году трагически оборвалась жизнь Н. И. Бухарина. Полвека спустя казнь одного из первых советских партийных руководителей, жестокие репрессии в отношении его родных и близких были признаны незаконными. Верховный суд СССР полностью реабилитировал, а Комитет партийного контроля восстановил Бухарина (посмертно) в рядах КПСС. Этот акт послужил сигналом к появлению у нас многочисленных публикаций о Бухарине.

К слову, за рубежом изучением политического кредо Бухарина на профессиональном научном уровне занялись еще в 50—60-х годах. Крупнейшим в мире знатоком его биографии считается профессор Принстонского университета С. Коэн, опубликовавший в 1973 году фундаментальный труд «Бухарин и большевистская революция» (в СССР эта работа увидела свет в переводе в 1988 году под названием «Бухарин. Политическая биография. 1888 — 1938»).

Ю. В. Емельянов на страницах своей книги не раз полемизирует с американским политологом, в чем-то с ним соглашаясь, на что-то возражая. Но главный спор здесь ведется с теми публикациями, авторы которых стремятся свести все трагическое, что было в нашей стране после Октября, к деятельности одного Сталина, умалчивают о разгоревшейся после смерти В. И. Ленина острой борьбе за власть среди тех, кто считал себя наиболее достойным его преемником, выдают многих из их числа лишь за жертвы обмана и произвола со стороны «вождя всех народов».

Не романтизм юноши, считает автор, а догматическая приверженность к упрощенной теории руководила Бухариным, когда он подвел теоретическую базу под жестокости «военного коммунизма». В своей книге «Экономика переходного периода» (1920) Бухарин с присущей тому времени патетикой провозглашал, что «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». И не осознание порочности этих методов, а понимание их неэффективности сделало Бухарина со временем сторонником нэпа. Однако идеи гражданского мира в стране странным образом сочетались в нем с убежденностью, что единство партии может быть «обеспечено беспощадным преследованием всяких уклонений от ортодоксального боль-

шевизма». Находил он слова одобрения и курсу на сплошную коллективизацию, объявляя с трибуны XVII съезда ВКП(б) о превращении всей страны в «великую социалистическую фабрику с массовой переделкой людей» и требуя сплотиться «вокруг товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя и практического вождя».

Однако Ю. В. Емельянов не стремится только опровергать расхожее ныне представление о Бухарине как невинной жертве скорбных 30-х годов. Автор помещает читателя в атмосферу политических и личных амбиций, в которой вершилась наша история. Такое погружение в контекст времени позволяет понять, почему, например, несмотря на то, что Бухарин возглавил первую, наиболее мощную оппозицию в первые месяцы Советской республики, выступив во главе «левых коммунистов» против Брестского договора, а через несколько лет стал лидером «правого уклона», В. И. Ленин поддерживал этого «ценнейшего и крупнейшего теоретика партии» и вместе с тем говорил о его «левогдулизме».

Личная трагедия Бухарина, по мнению автора книги, была обусловлена беспощадной волей революции с ее тотальным насилием, ее безжалостными законами, в обосновании и культивировании которых он сам активно участвовал.

А. Иглицкий,
кандидат исторических наук